

**Сергей
НОСОВ**

г. Санкт-Петербург

ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ — душа поэтическая

Знаменитый русский изобретатель-самоучка XVIII столетия Иван Кулибин во всем любил «дерзать» и не только изобретал новые диковинные механизмы и машины, но и... душу человеческую пробовал взвешивать!

Да-да, именно так – взвешивал на особых весах человеческую душу... А проще говоря, взвешивал тело «подопытного» человека перед смертью и после смерти... И находил разницу в весе, которая, по мнению нашего изобретателя из народа, и есть «вес души»...

Ведь после смерти душа покидает тело... Значит, тело становится легче именно на значение веса улетевшей в небеса души умершего...

Логично. И смешно.

И есть ли вообще вес у души человеческой?

Представители теософского общества в свое время даже рисовали – правда, не душу, а мысли человеческие рисовали... Они считали, что у мыслей есть свой цвет и своя форма, и что они плывут в пространстве с разной скоростью в зависимости от характера мысли.

Все это – ультраматериализм наизнанку.

Мысли человеческие и человеческие чувства – это определенно какая-то энергия.

Видимо, говоря о человеческой душе, мы тоже

подразумеваем какие-то постоянные свойства чувств и мыслей человека, плюс его влечения и привязанности.

Хотя все-таки что именно представляет собой душа – строго говоря, малопонятно. И говоря о душе высокие слова, например, мы часто скатываемся в область напыщенной и довольно пустой риторики...

Моя душа... Его или ее душа... Что это на самом деле такое – никто по-настоящему не знает.

Самое же наивное в представлениях древних о душе человека было то, что душу они легко и просто отделяли от тела – душа живет вечно, а тело смертно... Душа улетает на небо, а тело остается гнить в могиле.

Особенно забавно, что в былые и давние времена обычно считалось, что все самое лучшее и тем более вечное – на небесах... Куда, естественно, душа человека и отправляется после его смерти...

А что такое эти небеса и где они начинаются? Этого опять же никто не знал и знать не мог.

Тем не менее мы до сих пор говорим о душе, когда стремимся передать духовную составляющую человеческой жизни и самого существа человека.

И это понятно – помимо отдельных чувств человека и помимо его отдельных мыслей, желаний, склонностей и влечений, есть и нечто общее в духовной интеллектуальной и чувственной организации человека, что проявляется в самых разных его устремлениях, переживаниях и мыслях.

И вот это общее и вместе с тем одухотворенное в человеке и можно именовать его душой...

Причем душа человека бывает действительно и видна, и ощутима – например, в творчестве. И в особенности в поэзии и литературе в целом.

Лирическая поэзия настоящего большого поэта – неизменно выразительный и яркий портрет его души.

Это – несомненно.

В поэзии мы видим не самого человека – не его лицо, фигуру, его руки, походку... И так далее. Мы видим в стихах именно душу человека.

Конечно, каждое отдельное лирическое стихотворение – только какая-то грань души его автора... Всего себя и всю свою душу настоящий поэт ни в одном своем стихотворении (пусть это и подлинный шедевр) никогда выразить не может...

Но во множестве стихотворений большого и настоящего поэта его душа выражается вся.

Не отдельные его чувства и привязанности, вкусы и склонности, мысли и догадки, надежды и мечтания выражаются. А именно вся его душа как некий живой и неповторимый организм и вместе с тем как неповторимый и абсолютно индивидуальный сгусток высочайшей духовности.

И здесь мы подходим к тому важнейшему моменту в понимании подлинной поэзии и подлинного искусства в целом, ГЛУБИНАЯ природа которого не всегда ясна даже для ценителей искусства и самих его творцов. В большом искусстве не бывает повторений.

Повторения в большом искусстве и в большой поэзии невозможны и просто исключены.

Дело вовсе не в том, что читатель, например, хочет и ищет нового в поэзии, а не повторения на разные лады все тех же шедевров Пушкина... Самого Пушкина порой можно читать и перечитывать и в наше время... до бесконечности, нисколько при этом не уставая.

Но подражания Пушкину (или, допустим, Блоку, Есенину, Пастернаку) не только не увлекают при всем их порой кажущемся совершенстве, но внутренне раздражают, производят несветлое духовно впечатление фальши. Почему?

Потому что душа в этих подражаниях – пушкинская, а не твоя собственная, дорогой ав-

тор-графоман... В таких подражательных виршах отражается душа Блока и Есенина, которую ты «взял напрокат», не понимая, что душа не велосипед, который можно взять у соседа и на нем славно куда угодно поехать...

Не какие-то особые утонченные поэтические приемы формируют облик поэзии Большого Поэта, а его неповторимая душа...

И те поэтические формы (при всей их возможной вариативности), которые использует такой поэт, – лики его души.

Потому у Пушкина один голос в поэзии... У Блока – другой... И третий – у Есенина...

Особенности поэзии той эпохи, когда живет большой поэт, играют тут второстепенную роль. Главное определяет в неповторимом творческом почерке поэта его живая душа в ее зеркальном отражении в большой поэзии.

Причем именно душа Поэта, а не он весь со всеми реальными свойствами его характера и личности отражается в большой Поэзии.

В одной биографической книге о Блоке (в серии «Жизнь замечательных людей») я обратил внимание на заключение автора в конце книги – хорошим все-таки был человеком Александр Блок...

Как будто можно было сомневаться в этом? А ведь можно было и сомневаться! Зная литературу и литераторов поближе и непредвзято.

В своем прямолинейном простодушии автор этой книги о Блоке был на самом деле прав. Он писал о том, что в революционные годы каждый «кусочек хлеба» давался Блоку очень тяжело и только своим честным трудом... В отличие, например, от «революционного барина» Горького...

Горький быстро «оседлал конька» революционного барства... И даже в СССР вернулся в период расцвета режима Сталина в немалой степени потому, что его роскошные гонорары в 1920-е и 1930-е годы шли к нему именно из Советской России, и именно Советской России ему для этого и следовало служить, а не отсиживаться в эмиграции (за что набравший огромную силу Сталин его, конечно бы, сурово наказал).

И в сущности непонятно – а где, собственно, выразилась по-настоящему душа Горького? В каких именно его творениях?

Похоже, его души просто не было на свете.

Или она заключалась только в ожесточенной «критике царского режима»... Критике во имя чего?

Вероятно, этого господин Максим Горький и сам толком не знал. Жил он в свои зрелые годы

всегда как большой барин, сытно и не без подчеркнутой валяжной роскоши.

И при «проклятом царизме», и при новом советском режиме, и в эмиграции, и после своего «триумфального» возвращения в СССР.

Такие люди, как Максим Горький, никогда не смогли бы создавать большую Поэзию – душевной подлинности, необходимой для настоящей поэзии, в них не хватало решительно.

Ну, конечно, свою «Песню о Буревестнике» Горький создал – романтический порыв молодости имел место быть и у него.

Но зато потом Горький написал не только большевистскую пошлую агитку – дешевый агитационный роман «Мать» – но и большой поклеп на «гнилую» якобы русскую интеллигенцию под названием «Жизнь Климата Самгина», и многое другое в том же духе – в духе исторической клеветы и поклепа.

Поэзия и литература, если они в той или иной степени настоящие, выворачивают их автора-создателя наизнанку, даже если сам он этому сопротивляется.

Причем в человеке так называемого «неблагородного» происхождения бывают и многие его личные наклонности не слишком благородными – наглость, природное хамство проявляются в реальной его жизни довольно часто...

Но душа его, если он истинный творец, истинный Поэт и Художник – остается глубокой и чистой, как бы в конкретных обстоятельствах он себя порой по-хамски ни вел.

Вспомним начало выдающегося стихотворения Осипа Мандельштама о Сталине:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,*

*А где хватит на полразговорца, –
Там припомнят кремлевского горца.*

*Его толстые пальцы, как черви жирны,
А слова, как пудовые гири верны.*

*Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.*

*А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.*

*Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.*

Из-за этого стихотворения Мандельштам в итоге и погиб... Не сразу, но через несколько лет – погиб.

Есть легенда (а может, это и правда или почти правда), что Пастернак заявил Мандельштаму после того, как последний прочел ему это стихотворение, – это не поэзия, уничтожьте эти стихи и никогда больше никому их не показывайте...

Может, так и было... Или почти так и было – кто знает...

Но сам Пастернак в поздние годы жизни (и даже еще при Сталине!) бесстрашно писал роман «Доктор Живаго» и потом не побоялся опубликовать его на Западе, хотя будущий страшный гнев советских властей по этому поводу можно было легко предвидеть...

И ясно было заранее, что безобидным для автора «Доктора Живаго» этот гнев советских властей, конечно, не будет.

Однако Мандельштам никогда бы не смог написать такого романа – не было у него творческих данных для этого.

И Мандельштам, конечно, чувствовал, что может сказать свое честное слово в лицо Сталину и советской власти под его руководством (под его пятой, в сущности) только так, в коротком хлестком и бесстрашном стихотворении – и сказал это свое слово... Несмотря ни на что.

Необычайно смело, уверенно и громко.

И в этом проявилась душа Мандельштама-поэта, великая и чистая душа.

А те неприятные свидетельства о поведении Мандельштама в жизни, которые реально сохранились, – это уже другое...

Пригласил девушек покататься на лодке... Не заплатил, однако, потом за аренду лодки... Оставил проблему платы на приглашенных им же девушек. И ушел. Нагло ушел.

Таким он тоже был, поэт Осип Мандельштам.

Но в главном – в своем творчестве, в стихах, которыми Мандельштам отдавал всего себя, он оставался благородным и возвышенным.

И ведь это главное.

Конечно, сейчас все эти «дерзкие поступки» Осипа Мандельштама – такие как сочинение осуждающих и ядовитых стихов о «хозяине страны» Сталине – были бы, наверное, бессмысленными.

Сейчас на то, что скажет какой-то современный поэт или писатель (даже и довольно известный), никто уже не обращает никакого внимания – ни власть, ни общество.

Совсем не так было при Сталине.

Тогда литературу уважали. Но одновременно ее и очень боялись – как слова правды и как пророческого слова.

И ни людям, ни власти было безразлично тогда, что писатель пишет и говорит. Далеко не безразлично.

Как ни странно, Иосиф Сталин, каким бы бесконечно жестоким злодеем он ни был, находился под явным гипнозом великой русской литературы.

Он великую литературу отчасти любил, а отчасти – ее страшился. Буквально как некой скрытой угрозы для себя и своей власти.

Может быть, это был комплекс провинциального бедного грузина, который болезненно чувствовал свою духовную неполноценность с юности...

Но, как бы то ни было, к литературе Сталин был явно неравнодушен.

Сталин симпатизировал и как людям и как писателям: Булгакову, Пастернаку, даже Замятину... И это определенно смягчило их судьбу в сталинское время.

Последующие кремлевские вожди уже были абсолютно чужды и литературе, и культуре. Посмотреть сонными глазами балет «Лебединое озеро» в Большом театре – было для них вершинной прикосновения к искусству.

Хрущев мог только вопить на деятелей искусства... Хотя надо сказать, как Сталин, он их все-таки уже не уничтожал.

А Брежнев, вероятно, никаких так называемых

«деятелей искусства» и вообще знать не знал... Он любил новые автомобили, охоту и безделье...

Замечательный персонаж для финала советской истории – Леонид Брежнев!

Но и это теперь – уже далекое прошлое.

О будущем же и настоящем, конечно же, всерьез говорить в России вообще не полагается – тогда никогда и нигде и не опубликуют той сказанное ...

Ясно одно – литература ныне на задворках нашего общества. И никем – ни самим обществом, ни властью – всерьез не воспринимается.

Отчасти, однако, и хорошо, что литература не привлекает внимание нынешнего начальства и власть имущих.

Литература может жить и сама по себе вне пристального внимания общества и власти – как мир красоты и духовности, не имеющий отношения к низменным земным делам, страстям и интересам.

Может, такая новая ипостась в жизни настоящей литературы – на самом деле и к лучшему.

Сергей Николаевич НОСОВ

родился в Ленинграде в 1961 году.

Историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт.

Доктор филологических наук и кандидат исторических наук.

С 1982 по 2013 год являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института русской литературы) Российской Академии наук.

Публиковал произведения разных жанров во многих ведущих российских литературных журналах:

«Звезда», «Новый мир», «Нева», «Север», «Новый журнал», в парижской русскоязычной газете «Русская мысль» и других.

Живет в Санкт-Петербурге.

